

Г. Б. Котов

**СОСЛОВНАЯ ОППОЗИЦИЯ
НА ЧЕШСКОМ ЗЕМСКОМ СЕЙМЕ 1617 Г.
(К ОСОБЕННОСТЯМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И «ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ»
В ДОБЕЛОГОРСКОЙ ЧЕХИИ)**

Сословные собрания — земские и генеральные сеймы и съезды — были главной ареной политических столкновений между прогабсбургской партией и сословной оппозицией в Чехии с момента воцарения австрийской династии в 1526 году. Хотя вряд ли можно утверждать, что этот важнейший институт сословного общества и государства был обделен вниманием исследователей¹, очевидно отсутствие в историографии капитальных синтетических работ о чешских сословных собраниях, подобных труду Ф. Каменичека о моравских сеймах и съездах². Малоизученность или неразработанность многих аспектов функционирования чешских сеймов, их структуры, механизма принятия решений становятся особенно ощутимыми в тех случаях, когда речь идет о сеймах, на которых принимались решения, во многом судьбоносные для истории страны.

¹ О чешском земском сейме см.: *Hnídek F.* Sněm český za Ferdinanda I // *Sedmá zpráva výroční císař. král. státní reálky na Král. Vínohradech za školní rok 1904–1905.* Král. Vínohrady, 1905. S. 3–70; *Vaneček V.* Tři druhy stavovských shromáždění v českém státě 16. století // *Právněhistorické studie.* 1958. Roč. 4. S. 244–249; *Malý K., Šivák F.* Dějiny státu a práva v Československu. D. I. Do r. 1918. Praha, 1988. S. 120–122; *Pánek J.* K sněmovní politice Ferdinanda I: (Královův pokus o manipulaci českých stavů na generálním sněmu v roce 1557) // *FHB.* 1980. Roč. 2. S. 209–249; *Любавский М. К.* История западных славян. М., 2004. С. 215–220.

² *Kameníček F.* Zemské sněmy a sjezdy moravské: Jejich složení, obor působnosti a význam od nastoupení na trůn krále Ferdinanda I. až po vydání Obnoveného zřízení zemského (1526–1628). D. I–III. Brno, 1900–1905.

К числу последних, несомненно, принадлежит земский сейм, работавший в Праге 6–9 июня 1617 года, на котором эрцгерцог Фердинанд Штирийский был «принят» в качестве «ожидаемого наследника» чешского престола. Основными источниками информации о ходе этого сословного собрания являются сообщения о нем в трудах Павла Скалы из Згорже³ и Вилема Славаты⁴. П. Скала, протестантский историк антигабсбургского восстания 1618–1620 гг., автор монументальной «Церковной истории», по всей видимости, на сейме не присутствовал. В. Славата, один из лидеров прогабсбургской партии, оставил важное свидетельство, отличающееся достаточно высокой степенью достоверности.

Кандидатура эрцгерцога Фердинанда, прославившегося рекаголизаторскими начинаниями в своих наследственных владениях — Штирии и Каринтии⁵, устраивала мадридский двор и папскую курию как кандидатура наследника чешской короны. Однако он не мог вызывать симпатий у основной массы некаатолических сословий Чехии. Поэтому император Матиас, его двор и продинастическая «испанская» партия были вынуждены считаться с неизбежной перспективой противодействия попыткам закрепить за эрцгерцогом чешскую корону. Кроме того, вступая на чешский престол в 1611 году, сам Матиас обещал сословиям при жизни не поднимать вопрос о наследнике.

Нарушение предкоронационных обещаний могло вызвать негативную реакцию и среди влиятельных католиков. Идея сделать «ожидаемым наследником» чешского престола Фердинанда Штирийского действительно была встречена высокопоставленными католическими консерваторами с сомнениями и опасениями. В частности, наивысший гофмистр Чешского королевства Адам-младший из Вальдштейна указывал на то, что принятие Фердинанда могло бы угрожать сословным привилегиям, и хотя сам он счел бы благом сделать так, как хочет император, нужно изучить, отвечает ли императорская воля интересам сословий и страны⁶.

Уже с марта 1617 г. сторонники Фердинанда во главе с испанским послом графом Оньяте и наивысшим канцлером Зденеком из Лобковиц начали активно «обрабатывать» наивысших земских чиновников и членов земского суда, стремясь заручиться их поддержкой кандидатуры эрцгерцога и, таким образом, обеспечить беспрепятственное прохождение вопроса о наследнике через сейм. Большинство из них еще до созыва сейма обещало поддержать инициативу императора. Зденек из Лобковиц стремился заручиться поддержкой штирийской кандидатуры везде, где только можно, включив в сферу своих приготовлений не только высшие сословия, но и пражские города.

Две важные подготовительные акции были предприняты прогабсбургской партией накануне открытия сейма. Как сообщает П. Скала, многие видные особы из числа прибывших на сейм были вызваны якобы для консультации о выплате королевских

³ *Skála ze Zhoře P. Historie česká od r. 1602 do r. 1623 / K vyd. upravil K. Tieftrunk. D. II. Praha, 1866. S. 27–32.*

⁴ *Slavata V. Paměti nejvyššího kancléře království českého Vilema hraběte Slavaty etc. / K vyd. upravil J. Jireček. D. II. Praha, 1868. S. 151–155; 258–279.*

⁵ Об эрцгерцоге Фердинанде Штирийском (будущем императоре Фердинанде II) см.: *Sturmberger H. Kaiser Ferdinand II und das Problem des Absolutismus. München, 1957; Franzl J. Ferdinand II. Kaiser im Zweispalt der Zeit. Graz; Wien; Köln, 1989; Albrecht D. Ferdinand II // Der Kaiser der Neuzeit: 1519–1918; Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland / Hrsg. von A. Schindling und W. Ziegler. München, 1990. S. 125–141.*

⁶ *Kučera J. Stavovská opozice v Čechách a volba Ferdinanda Štýrského českým králem // Studia comeniana et historica. 1984. Roč. 14. Č. 28. S. 13.*

долгов в Чешскую канцелярию, где их посулами и угрозами склоняли к поддержке кандидатуры Фердинанда. Некоторые поддались уговорам, «приняв во внимание важность учреждения, уговаривавших их особ и дела, о котором шла речь»; другие прельстились обещаниями «великой милости и расположения, да и золотых гор от будущего короля». Но среди вызванных были и такие, которые не дали себя запугать и твердо стояли на защите земских свобод и привилегий. Они «вызвали огромное неудовольствие упомянутых королевских чиновников и советников, так что некоторые из них, не сумев скрыть свою злость», говорили: «Не имеют ли они по две головы, чтобы так противиться императору и королю, своему господину»⁷.

В. Славата сообщает о том, что утром 6 июня 1617 года, перед самым открытием сейма, наивысший канцлер именем императора вызвал всех наивысших чиновников и советников земского, надворного и коморного судов в Чешскую канцелярию. Собранным было предложено высказать свое мнение по поводу еще не внесенной на сейм пропозиции, в которой Матиас просил сословия о принятии Фердинанда в качестве будущего короля. Почти все присутствовавшие одобрили содержание пропозиции, за исключением двух видных евангелических политиков — Вилема-старшего из Лобковиц и Вацлава Вилема из Роупова. Последний открыто заявил, что сословия имеют право свободного избрания короля и что пропозиция, в которой речь идет о принятии предлагаемой кандидатуры, противоречит свободам Чешского королевства.

На это наивысший канцлер ответил:

«мы, чехи, перед другими народами и иноземцами бахвалимся тем, что имеем знатные свободы и свободное избрание чешского короля. Но если бы дошло до доказательства, тогда бы мы горько разочаровались, ибо подобной свободы в привилегиях этого королевства не обнаружится».

В подтверждение своих слов Зденек из Лобковиц привел выдержки из законов королевства — Земского уложения 1549 года, «Золотой буллы» императора Карла IV, «Маестатов» короля Владислава Ягеллона — 1510 г. и Фердинанда — 1545 года. Из них следовало, что сословия Чехии могут только принимать монарха из числа членов правящей династии, но никак не избирать короля по своему усмотрению. В результате собрание постановило, «чтобы эта пропозиция в том виде, в котором она написана, была оглашена на сейме»⁸.

После того как пропозиция была оглашена на первом заседании сейма, в Каролине состоялась сходка некатолических сословий. Сколько-нибудь подробно восстановить ход этого собрания не представляется возможным из-за крайне скудной информации о нем в источниках. По всей вероятности, не имея оснований отклонить кандидатуру Фердинанда, оппозиция решила настаивать на праве свободного избрания монарха и требовать, чтобы окончательное решение вопроса о будущем короле было отложено. В качестве главного аргумента должна была выступать неправомочность чешских сословий решать столь важное дело без участия представителей земель Короны. Обязанность публично заявить и обосновать точку зрения оппозиции была возложена на графа Яхима Ондржея Шлика.

⁷ Skála ze Zhoře P. Op. cit. S. 27–28. — Информация о подобных вызовах в Чешскую канцелярию подтверждается донесениями испанского посланника Оньате от 5 июня 1617 г. (Kučera J. Op. cit. S. 37, pozn. 51).

⁸ Slavata V. Op. cit. S. 258–261.

По сообщению П. Скалы, общее обсуждение императорской пропозиции на сейме происходило два дня — 7 и 8 июня. В выступлениях сословий «сразу же обнаружилось большие разногласия». Наивысшие чиновники и земские судьи католического вероисповедания «со всеми тогда же присутствовавшими папистскими сословиями единогласно сошлись на том, чтобы... эрцгерцог Фердинанд... был принят, провозглашен и коронован чешским королем». В этом с ними сошлись некоторые дворяне-евангелисты, в особенности те, которые побывали перед сеймом в Чешской канцелярии. Но против этого высказались другие из тех же «евангелических сословий» — Генрих Матиас Турн, Лингарт Колона из Фельса, Вилем-старший из Лобковиц, Я. О. Шлик, Вацлав Будовец (из панов), Кашпар Каплирж из Сулевиц (из рыцарей), магистр Валентин Кохан из Праховой и Максимилиан Гоштялек (из мещан).

Двое последних, по словам Скалы, от имени городского сословия, «не забывая о своей истинной вере и защите стародавних свобод чешского королевства», высказались за то, чтобы сословия не спешили с ответом на императорскую просьбу, пока не будут «должным образом и основательно» подтверждены все их привилегии, прежде всего «Чешская конфессия» 1575 г. и «Маестат» Рудольфа II о свободе не католического вероисповедания 1609 года⁹.

Я. П. Кучера, пытавшийся реконструировать ход сейма, отмечает, что, несмотря на относительно большое число дошедших известий, составить четкий хронологический перечень событий весьма затруднительно, поскольку источники сильно расходятся в отношении датировок. Наиболее достоверны в отношении хронологии, по его мнению, календарные записи Адама-младшего из Вальдштейна и канцлера Зденека из Лобковиц. Отмечая, что во многих пассажах «Воспоминаний» В. Славаты содержатся явные ошибки¹⁰ при изложении происходивших на сейме событий, исследователь, как до него А. Гиндели, все же склонен ориентироваться именно на славатовский рассказ.

Судя по реконструкции Я. П. Кучеры¹¹, в повествовании П. Скалы, по всей вероятности, смешаны события двух дней сейма. Действительно, 7 июня состоялось обсуждение и голосование по вопросу о «принятии» Фердинанда. По традиции, процедура началась с выступлений наивысших земских чиновников. Наивысший пражский бургграф Адам из Штернберка, подававший первый голос, воздал хвалу императорской заботе о мире, спокойствии и благополучии в королевстве и заявил, что считает «наилучшим и наиболее полезным» принять и провозгласить Фердинанда Штирийского чешским королем и короновать его еще в июне.

К мнению наивысшего бургграфа, как и на совете 5 июня, присоединились почти все наивысшие земские чиновники и советники земского, надворного и коморного судов, кроме наивысшего Карлштейнского бургграфа Г. М. Турна и советника земского суда Л. Колоны из Фельса. В своем выступлении Турн повторил идею, прозвучавшую днем раньше на собрании евангелических сословий в Каролинуме, — отложить вопрос об избрании будущего короля до ближайшего генерального сейма земель Короны, так как чешские сословия неправомочны в одиночку решить этот вопрос.

⁹ *Skála ze Zhoře P.* Op. cit. S. 30–31.

¹⁰ *Kučera J.* Op. cit. S. 38. Pozn. 65.

¹¹ *Kučera J.* Op. cit. S. 24–29.

Этот довод был особенно уязвим в устах Г. М. Турна, поскольку именно он в 1611 г. публично отрицал за сословиями Моравии, Силезии и Лужиц право участвовать в избрании чешского короля. Наивысший бургграф без труда обратил против вождя оппозиции некогда его же собственное оружие, указав на то, что сословия инкорпорированных земель никогда не приглашались для выборов чешского короля, а в данный момент речь к тому же идет не об избрании, но о принятии, монарха. В ответ Турн даже не пытался привести какие-либо контраргументы, заявив, что на сеймах каждый волен говорить, как велит ему разум и совесть. Этим, разумеется, он не пробудил у остальных участников сейма желания выступить против кандидатуры эрцгерцога.

После выступлений наивысших чиновников и судей вопрос, по обычаю, должен был обсуждаться по куриям. Однако наивысший бургграф потребовал, чтобы каждый из присутствующих панов и рыцарей подал свой голос лично. В этой ситуации Я. О. Шлик не выполнил возложенной на него миссии — в своем выступлении он высказался за «принятие» Фердинанда. Как сообщает В. Славата, перед заседанием 7 июня Шлик был вызван в Чешскую канцелярию, где получил, так сказать, наставления в том, как следует вести себя в ходе голосования¹². В итоге все три сословия без возражений приняли эрцгерцога в качестве своего будущего короля.

Выступления же остальных особ, которых П. Скала представил как противников «принятия» Фердинанда, в том числе Кохана и Гоштялека, были связаны, судя по всему, с событиями следующего дня, 8 июня. Тогда сословия обсуждали собственно текст сеймового постановления, составленного накануне специально назначенной комиссией из 24 особ (по 8 от каждого сословия). Камнем преткновения стала содержащаяся в постановлении формула «реверса», который впоследствии должен был дать новый король. В этой формуле, выработанной, скорее всего, наивысшим канцлером Зденеком из Лобковиц, не упоминался рудольфовский «Маестат» 1609 года. Против такой формулы резко выступил Вилем-старший из Лобковиц, которого поддержали многие из присутствующих. После выступления М. Гоштялека, представителя городского сословия, формула «реверса» была изменена: перед коронацией Фердинанд должен был подтвердить все земские свободы и привилегии, прежде всего «Маестат» и «Уравнение» между католической и евангелической общинами 1609 года.

9 июня 1617 г. наивысший пражский бургграф Адам из Штернберка торжественно провозгласил Фердинанда Штирийского принятым будущим чешским королем. На этом сейм завершил работу. По его завершении выступившие против формулы «реверса» были вызваны в Чешскую канцелярию, где выслушали обвинение в оскорблении императорского величества. Кохан и Гоштялек лишились своих должностей в Праге и Жатце, а осенью 1617 г. Турн был устранен с доходной должности наивысшего Карлштейнского бургграфа.

Вывод о причине столь внушительной и сравнительно легкой победы династии и прогабсбургской партии, по сути, напрашивается сам собой. Сословная оппозиция в Чешских землях, весьма разнородная в социальном, конфессиональном и многих других отношениях, никогда не отличалась сплоченностью. Трения между составлявшими ее группировками давали о себе знать даже в периоды наивысшего подъема

¹² Slavata V. Op. cit. S. 271–273.

оппозиционной активности (например, в дни борьбы за «Чешскую конфессию» в 1575 г. или в период борьбы за «Маестат» в 1608–1609 годах).

Негативное влияние внутренних разногласий становилось особенно ощутимым в периоды временной политической стабилизации и усиления королевской власти. Такой период спада оппозиционной активности пришелся на 1612–1617 годы, о чем ярко свидетельствуют ход и результаты сеймов 1614, 1615 и 1617 годов, которые явно расходились с настроениями основной массы сословий. Основную причину политического бессилия оппозиции в этот период исследователи усматривают в разногласиях между составлявшими ее конфессионально-политическими группировками, главным образом между просаксонски ориентированными лютеранами и тяготевшими к кальвинистскому Пфальцу последователями «Общины чешских братьев»¹³.

Тем не менее авторы, обращавшиеся к ходу сейма 1617 года, отмечают, что успеху прогабсбургской партии в немалой степени способствовал ряд факторов, коренящихся в особенностях политического сознания и политической культуры сословного общества.

В частности, отмечается, что на ход и исход сейма большое влияние оказало упоминавшееся ранее выступление наивысшего канцлера Зденека из Лобковиц с опровержением притязаний сословий на право свободного избрания короля. В связи с этим А. Гиндели обратил внимание на особенности менталитета и политического сознания чешских сословий: они не могли нарушить привилегии и исторические права, которые считались ими основой их собственного существования. И хотя у всех на памяти был прецедент 1611 года, когда чешские сословия избрали, а не «приняли» «ожидаемого наследника», в 1617 г. оппозиция не решилась настаивать на законной силе новшеств, которые шли в разрез с древним правом¹⁴.

Об этом же пишет биограф В. Будовца Н. Рейхртова: «Трудно предложить иное объяснение, чем безграничное уважение исторического права, которое сословия считали основой своего существования». Настойчивость в отношении «новшества» — избрания короля — могла привести к возникновению «правового вакуума». Этого опасались сословные лидеры, в том числе известный своими юридическими познаниями В. Будовец¹⁵.

Современник событий П. Скала, пытаясь найти причины случившегося на сейме 1617 года, отмечал, что

«многие рассудительные и искренне любящие свою родину люди предпочли не являться на сейм, настороженные необычной формулировкой майского мандата, противоречащей всем привилегиям, праву, земскому уложению и стародавним свободам Чешского королевства».

Кроме того, звучавшие в Чешской канцелярии угрозы ревностных сторонников Фердинанда получили широкую огласку и способствовали тому, что потом для обсуждения королевской пропозиции прибыло очень мало особ из сословий-подобоев, тогда как «паписты» оказались представлены на сейме в непривычно большом количестве¹⁶.

¹³ См.: *Kavka F. Bílá hora a české dějiny*. Praha, 1962. S. 82; *Kučera J.* Op. cit. S. 19–21; *Rejchrtová N. Václav Budovec z Budova*. Praha, 1984. S. 117–118.

¹⁴ *Gindely A. Dějiny českého povstání I. 1618. D. I.* Praha, 1870. S. 135–136.

¹⁵ *Rejchrtová N.* Op. cit. S. 121–122.

¹⁶ *Skála ze Zhoře P.* Op. cit. S. 31.

В работе сейма, по сведениям В. Славаты, участвовали 63 особы панского сословия и 43 — рыцарского. Католиков среди панов действительно было непропорционально много — 25 из 63¹⁷. Кроме того, бросается в глаза малочисленность рыцарской курии, которая, естественно, была больше панской.

Обращение к истории чешских сеймов середины XVI в. наводит на мысль о том, что «технология» увеличения числа своих сторонников на сейме уже была отработана династией. В добелогорской Чехии созыв сословных собраний был исключительной прерогативой короля, издававшего «сеймовые листы», или мандаты, о созыве сейма. В каждом крае особые уполномоченные послы теоретически должны были ознакомиться с содержанием этого мандата всех дворян под роспись.

Фактически же эти послы посещали только самых видных представителей дворянства (после запрета свободного созыва крайских съездов и ликвидации практики избрания делегатов на земские и генеральные сеймы король, разумеется, не настаивал на поголовном участии в них всего дворянства). В 1557 году, накануне генерального сейма земель Короны, Фердинанд I разослал, помимо обычных мандатов, также 72 персональных вызова. Подобное приглашение могло быть расценено и как знак особого королевского внимания, и как распоряжение, обязательное для исполнения. Краткость сроков, территориальная распыленность адресатов и различие в их имущественном положении исключали возможность какого-либо сговора между ними с целью выработки единой позиции.

Анализируя списки приглашенных, Я. Панек отмечает, что предпочтение было отдано, прежде всего, представителям богатых панских и рыцарских семейств, ранее не проявлявших особой политической активности. Организация этой акции в 1557 г. оказалась не на должном уровне, и почти половина (33 из 72) вызванных вообще никак не отреагировали на королевские приглашения. Тем не менее наибольшую лояльность династии продемонстрировали в тот раз именно представители состоятельных панских семейств¹⁸.

Другим эффективным средством манипулирования сеймом была, по-видимому, процедура персонального голосования по наиболее важным вопросам. Как отмечал А. Гиндели, расчет собравшихся в Каролину оппозиционных дворян строился именно на особенностях процедуры подачи голосов. К мнению Шлика должны были присоединиться менее ангажированные не католические особы из числа панов, а мнение панства, уже по традиции, должны были разделить рыцарская и городская курии.

С этим же был связан и выбор спикера: «душа оппозиции» Г. М. Турн как наивысший земский чиновник подавал свой голос индивидуально и уже не мог выступать от имени курии¹⁹. С учетом этих же особенностей была выстроена и тактика проправительственной партии. Намеренно изменив традиционный порядок голосования, высокопоставленные сторонники Фердинанда нарушили замыслы оппозиции. Подобный прецедент был в октябре 1549 года, когда земский сейм утверждал новое Земское уложение, закреплявшее те преимущества, которых добилась королевская власть в результате поражения сословного восстания 1547 года. Тогда наивысший бургграф также потребовал, чтобы голоса подавались не куриями, но отдельными особами.

¹⁷ Slavata V. Op. cit. S. 303–304.

¹⁸ Pánek J. K sněmovní politice Ferdinanda I... S. 216–222.

¹⁹ Gindely A. Op. cit. S. 137–138.

Применительно к этому случаю Я. Панек отметил одну из самых слабых сторон «сословного строя»: панское и рыцарское сословия могли смело выступать против короля и его чиновников, поскольку как целое они оставались неуязвимыми для каких-либо санкций, «но отдельные паны и рыцари, если им нужно было лично рисковать, в большинстве предпочитали отойти на задний план»²⁰. Можно предположить, что и в 1617 г. свою роль сыграли те же самые психологические установки сословных особ.

²⁰ *Pánek J. Poslední Rožmberkové: Velmoži české Renesance. Praha, 1989. S. 88.*